

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.М. Кремлевский

Первородный грех по учению блаж. Августина Иппонского

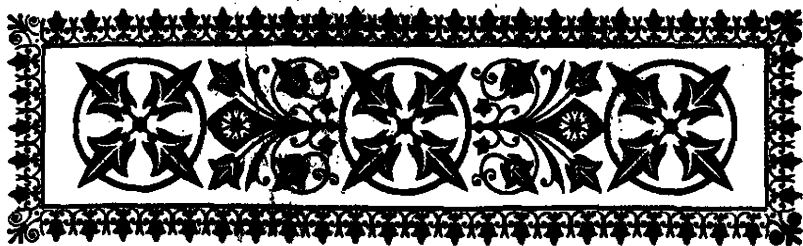
Опубликовано:

Христианское чтение. 1902. № 5. С. 581-600.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

ПЕРВОРОДНЫЙ ГРѢХЪ

ПО УЧЕНІЮ БЛАЖ. АВГУСТИНА ИППОНСКАГО. *)

БКАЗАВШИ объ оправданіи нечестивыхъ во Христъ, апостолъ начинаетъ съ 12 стиха выяснять возможность оправданія многихъ въ одномъ, сопоставляя оправданіе многихъ въ одномъ, Христъ, съ осужденіемъ многихъ въ другомъ, Адамъ. Онъ показываетъ, что какъ чрезъ Адама вошли въ міръ грѣхъ и смерть, такъ чрезъ Христа вошла въ міръ праведность, но какимъ образомъ вошло то и другое, не объясняетъ. Въ 12 стихѣ указана только первая половина періода, сказано о вхожденіи во всѣхъ грѣха чрезъ Адама, вторая же часть періода, объ оправданіи всѣхъ во Христъ, оставлена; но въ 18 стихѣ кратко повторено содержаніе первой части періода и указано содержаніе второй части: какъ преступленіемъ одного всѣмъ осужденіе, такъ правдою одного всѣмъ оправданіе.

Сего ради якоже единѣмъ челоѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся челоѣки вниде, въ немъ же вси согрѣшиха. Прошу тебя, обращается Августинъ къ Юліану, обрати вниманіе, по какой причинѣ апостолъ началъ говорить о первомъ челоѣкѣ. Дѣло шло о примиреніи (de reconciliatiōne) съ Богомъ вмѣсто вражды, какую мы имѣли, каковое примиреніе совершилось, какъ и ты соглашаешься, чрезъ Посредника Христа. Вотъ слова апостола: *оправдавшись върою, мы имѣемъ миръ съ Богомъ. и немного*

*) См. начало въ *апталской* -кн. „Христ. Чтенія“.

дальше: *ибо Христосъ, когда еще мы были немощны, въ определенное время умеръ за нечестивыхъ, и дальше: будучи врагами, мы примирились съ Богомъ смертію Сына Бѣо. Это примиреніе, которое апостоль възхвалялъ столько разъ, и теперь еще упомянулъ: посредствомъ Котораго (Христа) мы получили примиреніе. и дальше присоединилъ: посему, какъ однимъ человекомъ грѣхъ вошелъ въ міръ. Слѣдовательно, какъ чрезъ этого одного человѣка вражда, такъ чрезъ одного Христа примиреніе. Посему кто говорить, что дѣти свободны отъ грѣха, вслѣдствіе котораго произошла вражда, тотъ совершенно не признаетъ, что на нихъ простирается то примиреніе, ради котораго Христосъ сталъ посредникомъ; посему отлучаетъ ихъ и отъ оправданія, которое совершается въ крови Христа, причиною изліянія которой Христосъ назвалъ именно прощеніе грѣховъ (Мѣ. XXVI, 28). Отсюда послѣдовательно вытекаетъ, что дѣтямъ, не имѣющимъ грѣховъ, смерть Христа не приноситъ совершенно никакой пользы, ибо мы примирились чрезъ нее съ Богомъ, бывъ врагами, каковыми дѣти, по вашему мнѣнію, не были ¹⁾.*

Юліанъ напротивъ указываетъ совсѣмъ другую причину, по которой апостоль началъ рѣчь о первомъ человѣкѣ. По его мнѣнію, апостоль для пораженія гордости іудеевъ, думавшихъ, что прощеніе грѣховъ имъ не такъ необходимо, какъ язычникамъ, потому что они обладали закономъ, обращается къ разстройству нравовъ человѣчества, чтобы самая древность обнаружила, какого господства достигло въ этомъ мірѣ нечестіе, и чтобы показать, сколь много древнихъ преступленій уничтожила благодать Христа, переданныхъ отъ предковъ потомкамъ чрезъ подражаніе (Юліанъ имѣетъ въ виду мысль, что Христосъ нашелъ міръ въ состояніи крайняго нечестія, которое развивалось исторически отъ перваго человѣка). Посему апостоль упоминаетъ о первомъ человѣкѣ и дѣлаетъ это не потому, что отъ перваго человѣка начался грѣхъ, такъ какъ первую согрѣшила женщина, но потому что по преимуществу пола Адамъ принималъ главенствующее участіе въ совершеніи перваго грѣха. Итакъ, чрезъ перваго человѣка вошелъ грѣхъ и чрезъ грѣхъ смерть, безъ сомнѣнія, та, которая обѣщана грѣшникамъ, т. е., вѣчная; и такимъ образомъ смерть перешла на всѣхъ людей, потому что

¹⁾ Op. imp. II, 172; Contra Jul. VI, 9; Contra duas epist. pelag. IV, 8.

всѣ согрѣшили. Ясно показавъ, какимъ образомъ перешла эта смерть на потомковъ, именно, посредствомъ подражанія (въ грѣхѣ), а не посредствомъ рожденія (съ грѣхомъ), ибо сказавши: «перешла на всѣхъ людей», немедленно прибавилъ: «потому что всѣ согрѣшили», *in quo omnes peccaverunt*, какое выраженіе равносильно выраженію: *quia omnes peccaverunt*. Апостоль сказалъ, что смерть перешла поскольку всѣ согрѣшили ¹⁾. Такимъ образомъ, апостоль, по Юліану, говорить о появленіи въ мірѣ грѣха чрезъ перваго человѣка и о распространеніи смерти духовной на всѣхъ тѣхъ, кои подражаютъ Адаму въ грѣхахъ. Такое толкованіе ясно было направлено противъ ученія Августина о переходѣ на всѣхъ людей грѣха Адамова чрезъ плотское происхожденіе всѣхъ отъ Адама.

Противъ ученія пелагианъ, что грѣхъ Адама повредилъ людямъ, «не чрезъ распространеніе, но чрезъ подражаніе» (*non propagatione, sed imitatione*), Августинъ указывалъ, что въ такомъ случаѣ апостолу болѣе естественно было бы указать не на перваго человѣка, а на діавола, который первый среди разумныхъ тварей согрѣшилъ, никому не подражая, и о которомъ написано: *изначала діаволъ согрѣшаетъ* (Іоан. III, 8), равно какъ: *завистію діавола вошла въ міръ смерть* (Премудр. II, 24). А что та смерть (духовная) произошла именно чрезъ діавола, не потому что люди произошли отъ него, но потому что подражаютъ ему, Писаніе немедленно далѣе высказываетъ, присоединяя: *подражаютъ ему принадлежащія къ удѣлу его* (Прем. II, 25). Апостоль же, упомянувъ грѣхъ, и перешедшую отъ него на всѣхъ чрезъ распространеніе смерть, указавъ того виновника, отъ котораго беретъ начало распространеніе рода человѣческаго. Конечно, люди подражаютъ Адаму, когда преступаютъ заповѣдь Божию чрезъ непослушаніе, но иное есть примѣръ для воли грѣшащихъ и иное—происхожденіе рождающихся съ грѣхомъ. Какъ Тотъ, въ которомъ всѣ оживаютъ, не только далъ Собою примѣръ для подражанія, но даетъ еще и сокровенную благодать Своего Духа вѣрнымъ, изливая ее обильно и на младенцевъ, такъ и тотъ, въ которомъ всѣ согрѣшили, кромѣ того, что служить примѣромъ для подражанія добровольно нарушающимъ волю Божию, сокровенною нечистотой своей

¹⁾ Ор. imp. II, 172—173.

плотской похоти осквернилъ въ себѣ всѣхъ, происходящихъ отъ него» ¹⁾. По мнѣнію Августина, апостоль для того именно выразился— *черезъ одного человека*, отъ котораго началось рожденіе людей, чтобы научить, что черезъ рожденіе переходить на всѣхъ первородный грѣхъ ²⁾.

Юліанъ въ словахъ апостола о вхожденіи грѣха въ міръ черезъ одного человѣка не усматривалъ ничего такого, что бросало бы тѣнь на человѣческое рожденіе и служило къ осужденію естественной невинности, къ обвиненію божественнаго творенія. Пытаясь, возражаетъ онъ, аргументаціей создать то, чего не содержатъ апостольскія слова, ты прибавляешь, что апостоль долженъ бы упомянуть діавола, если бы рѣчь шла о подражаніи, но упомянулъ человѣка, а не діавола, чтобы поняли, что онъ говоритъ о рожденіи. Какой, спрошу я, былъ у тебя поводъ для составленія такого мнѣнія? Развѣ нельзя грѣшить черезъ подражаніе людямъ? Хотя безспорное дѣло не нуждается въ свидѣтельствѣ Писанія, однако выслушай Давида: *не ревнуй злодѣямъ, не завидууй дѣлающимъ беззаконія. Не ревнуй уснѣвающему въ пути своемъ, человеку лукавнующему* (Пс. XXXVI, 1, 7). Все ветхозавѣтное Писаніе увѣщаетъ Израиля не подражать обычаямъ нечестиваго племени. Посему, какая необходимость вынуждала, чтобы апостоль, имѣя въ виду подражаніе, назвалъ скорѣе діавола, чѣмъ человѣка, зная, что грѣшить можно черезъ подражаніе какъ діаволу, такъ и людямъ? Или докажи, что нельзя грѣшить черезъ подражаніе людямъ или сознайся въ неосновательности своего мнѣнія. А что о діаволѣ написано: *подражаютъ ему принадлежащіе къ удѣлу его*, то я соглашаюсь, что это благоразумно сказано авторомъ той книги, кто бы онъ ни былъ. Но тебѣ это нисколько не помогаетъ, если не докажешь, что нельзя грѣшить по подражанію людямъ.

Подражаніе есть дѣло, души, а рожденіе—пола. Въ добрѣ можно подражать и Богу, и ангеламъ, и апостоламъ: Богу— *будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный* (Мѳ. V, 48), ангеламъ— *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Мѳ. VI, 10), апостоламъ— *будьте подражате-*

¹⁾ De pess. mer. I, 9—10.

²⁾ De nupt. II, 45.

лями мнѣ, какъ я Христу (1 Кор. XI, 1). А въ злѣ подражаютъ и дѣволу, какъ написано: *подражаютъ ему принадлежащіе къ удѣлу его* (Прем. II, 25), и людямъ—*не будьте улылы, какъ лицъ мѣры, ибо они принимаютъ на себя мрачныя лица* (Мѣ. VI, 16), подражаютъ и животнымъ: *не будьте какъ конь, какъ лошакъ несмысленный* (Пс. XXXI, 9).

Не спрашивается здѣсь, отвѣчаетъ Августинъ, грѣшать ли по подражанію людямъ; всякій знаетъ, что грѣшать. Но спрашивается, какой грѣхъ вошелъ въ міръ чрезъ одного человѣка, тотъ ли, который по подражанію совершался, или тотъ который по рожденію получался (*utrum quod imitando committeretur, an quod nascendo traheretur*). Тотъ первый вошелъ въ міръ не иначе какъ чрезъ дѣвола, который первый, никому не подражая ввелъ примѣръ грѣха для прочихъ имѣвшихъ подражать. А второй вошелъ въ міръ не иначе какъ чрезъ того, кто первый, никѣмъ не рожденный, ввелъ начало рожденія всѣхъ прочихъ, долженствовавшихъ родиться, т. е., Адамъ. Пойми отсюда, что, говоря о подражаніи людямъ и ангеламъ, ты говоришь совершенно не относящееся къ дѣлу, говоришь только изъ нежеланія молчать. Ибо мы говоримъ не о какомъ-нибудь когда-нибудь согрѣшившемъ человѣкѣ, но о томъ, чрезъ котораго грѣхъ вошелъ въ міръ.

Если спрашиваютъ о первомъ примѣрѣ для подражанія, указываетъ дѣволъ, а если о заразѣ рожденія, указываетъ Адамъ. Посему Апостоль, говоря: «чрезъ одного человѣка грѣхъ вошелъ въ міръ», разумѣетъ грѣхъ по рожденію, *resatum generationis*, ибо грѣхъ по подражанію вошелъ въ міръ не чрезъ одного человѣка, но чрезъ дѣвола ¹⁾).

Подражаніе, продолжаетъ аргументировать Юліанъ, есть чувство души, которое можетъ быть обращено къ предметамъ какъ достойнымъ, такъ и недостойнымъ. Рожденіе же прямо указываетъ на рождающую субстанцію, но въ несобственномъ, въ переносномъ смыслѣ рожденіемъ называются различныя занятія. Отсюда говорятъ, что дѣволъ рождаетъ грѣшущихъ, какъ и Господь сказалъ: *вашъ отецъ-дѣволъ* (Іоан. VIII, 44). Отцомъ названъ здѣсь тотъ, злобѣ котораго грѣшники подражаютъ. Поэтому, если бы не было сказано, что человѣкъ можетъ подражать человѣку, а апостоль сказалъ бы, что чрезъ

¹⁾ Ор. imp. II, 48—52.

Адама всё согрѣшили, то я призналъ бы, что апостоль говоритъ образно, какъ это свойственно Писанію, именно, что какъ Господь названъ отцомъ діавола, который по природѣ не можетъ родить, такъ апостоль написалъ, что человѣкъ сталъ предметомъ для подражанія; иначе могло бы показаться, что апостоль выражаетъ нѣчто, противное очевидному разуму. Но апостоль ничего не говоритъ въ переносномъ, фигуральномъ смыслѣ, когда учитъ, что первый человѣкъ грѣшникъ былъ примѣромъ для послѣдующихъ грѣшниковъ.

— Неужели, — отвѣчаетъ Августинъ, — справедливо можно сказать, что Адамъ, а не діаволь, первый сталъ предметомъ подражанія въ грѣхѣ? Кромѣ того, еслибы апостоль назвалъ Адама первымъ грѣшникомъ по причинѣ грѣха, которому подражаютъ прочіе, то первымъ праведникомъ, какъ первымъ предметомъ для подражанія въ праведности, онъ назвалъ бы Авеля, а не Христа, такъ какъ Авель былъ первымъ праведникомъ, никому не подражавшимъ, но ставшимъ предметомъ для подражанія прочимъ праведникамъ. Но апостоль назвалъ Адама началомъ грѣха, а Христа началомъ праведности, потому что того признавалъ виновникомъ рожденія, а Этого — виновникомъ возрожденія ¹⁾).

Если бы, дѣлаетъ Юліанъ послѣднее возраженіе, апостоль имѣлъ въ мысли передачу грѣха чрезъ рожденіе, онъ не могъ бы сказать о переходѣ грѣха чрезъ одного человѣка, потому что рожденіе совершается не иначе какъ двумя, мужчиной и женщиной; одного достаточно, чтобы дать примѣръ, но недостаточно, чтобы родить. Апостоль потому и выразился точно: «чрезъ одного», что предвидѣлъ, по внушенію Св. Духа, современное заблужденіе и желалъ поразить его, чтобы не подумалъ кто-нибудь, что онъ говоритъ нѣчто въ безславіе установленнаго Богомъ супружества и благословеннаго плодородія. Апостолу нужно было указать начало грѣха, и онъ указалъ, что грѣхъ перешелъ чрезъ одного, который не могъ произвести потомства. Согрешили, конечно, оба первые человѣка и оба по справедливости называются образомъ будущаго грѣха; почему же апостоль не говоритъ, что грѣхъ перешелъ чрезъ двоихъ, что было бы болѣе согласно съ исторіей? Онъ поступилъ въ высшей степени благоразумно. Онъ видѣлъ, что еслибы онъ назвалъ двоихъ, кои дали начало и примѣръ преступле-

¹⁾ II, 58—55. 62.

нію, и сказалъ бы, что чрезъ нихъ перешель грѣхъ, то онъ подалъ бы поводъ къ возникновенію заблужденія, будто, именуя двоихъ, онъ осудилъ плотское сношеніе и плодородіе.

Неужели, отвѣчаетъ Августинъ, грѣшники не подражаютъ Евѣ и неужели не чрезъ нее болѣе получилъ начало грѣхъ? *Отъ женщины начало грѣха и чрезъ нее умираемъ всѣ* (Еккл. XXV, 33). Выраженіе—«чрезъ одного» именно скорѣе указываетъ на рожденіе, а не на подражаніе. Ибо какъ отъ женщины было начало грѣха, такъ отъ мужчины — начало рожденія; сначала даетъ сѣмя мужъ, чтобы жена могла родить; потому чрезъ одного человѣка грѣхъ вошелъ въ міръ, что онъ вошелъ чрезъ сѣмя рожденія, воспринимая которое отъ мужа, женщина зачинаетъ. Тлкимъ способомъ не пожелалъ родиться Тотъ, Кто одинъ безъ грѣха рождеть женщиною. Въ посланіи къ Евреямъ читаемъ: *отъ одного, и притомъ омертвѣлаго* (Авраама) *родилось такъ много, какъ звѣздъ* (Евр. XI, 12). Апостоль выразился такъ потому, что Авраамъ родилъ то, что произвела Сарра (*ille genuit, quod illa peperit*). Рождаеть тотъ по преимуществу, кто даетъ сѣмя, а женщина не рождаетъ, но производитъ, если же это произведеніе и можетъ быть названо рожденіемъ, то женщина предварительно зачинаетъ производимое отъ рождающаго мужа, подобно тому, какъ сказано: Авраамъ родилъ Исаака, Исаакъ родилъ Іакова и т. д.; не сказано: Авраамъ и Сарра родили Исаака, Исаакъ и Ревекка родили Іакова. А гдѣ нужно было упомянуть мать, тамъ евангелистъ говорить: «Іуда родилъ Фареса и Зару отъ Ѳамари», а не Іуда и Ѳамаръ родили Фареса и Зару. Кромѣ того, можетъ быть и потому апостоль сказалъ, что чрезъ одного, а не чрезъ двоихъ грѣхъ вошелъ въ міръ, что написано: *будутъ два—одна плоть* (Быт. II, 24), почему Господь и говорить: *уже не суть два, но одна плоть* (Мѣ. XIX, 6), особенно, когда происходитъ плотское сношеніе, откуда рождается потомство ¹⁾.

Выраженіе — «будутъ два одна плоть» Юліанъ не находилъ возможнымъ отождествлять съ выраженіемъ: «будутъ два человѣка—одинъ человѣкъ», потому что относилъ ихъ исключительно къ дѣлу плотскому, къ половому сношенію. Если бы апостоль, говоря—«чрезъ одного человѣка», имѣлъ въ мысли единеніе мужа и жены въ одну плоть въ половомъ актѣ, то

¹⁾ Op. imp. II, 56, III. 85; 88.

онъ сказалъ бы, что грѣхъ вошелъ въ міръ чрезъ одну плоть, а не чрезъ одного человѣка. При рожденіи передается одна плоть, а весь человѣкъ состоитъ изъ плоти и духа. Поэтому апостоль не могъ сказать—«чрезъ одного человѣка», еслибы имѣлъ въ виду передачу грѣха чрезъ плотское рожденіе. На это Августинъ доказываетъ, что въ Писаніи часто человѣкъ именуется плотію, какъ и въ обычной рѣчи часть называется вмѣсто цѣлаго. Кромѣ того, одною плотью два, мужъ и жена, могутъ быть названы и не по дѣйствию плотской похоти, потому что иначе нельзя было бы прилагать ко Христу и церкви словъ: «будутъ два одна плоть». Если Христосъ и церковь могутъ быть одною плотью, то и мужъ съ женою могъ бы соединяться не постыдною похотью, но похвальною любовію ради рожденія дѣтей, если бы никто не согрѣшилъ. Посему и Господь сказалъ: «уже не суть — два, но одна плоть», а не сказалъ: «не суть двѣ плоти, но одна плоть». Что значить: «не суть два», если не значить: «не суть два человѣка»¹⁾?

Непонятнымъ представляется на первый взглядъ, почему Юліанъ такъ настойчиво защищаетъ мысль о вліяніи грѣха Адамова на человѣчество не переходомъ, но подражаніемъ. Повидимому, ему достаточно было защищать ту мысль, что апостоль говоритъ не о распространеніи, а о появленіи грѣха въ міръ; тѣмъ болѣе, что далѣе онъ самъ обращаетъ особенное вниманіе на раскрытіе мысли. что апостоль, не говоритъ о переходѣ грѣха на всѣхъ людей, а говоритъ о переходѣ смерти на всѣхъ, о грѣхѣ же говоритъ только, что онъ вошелъ въ міръ, появился въ міръ чрезъ одного человѣка. Но уже отсюда можно понять, что передачу грѣха по подражанію Юліанъ защищалъ только въ полемическихъ цѣляхъ, въ противовѣсъ ученію Августина о передачѣ грѣха чрезъ рожденіе, соглашаясь допустить съ противникомъ, что апостоль говоритъ не только о вхожденіи грѣха въ міръ, но и о появленіи его во всемъ человѣчествѣ. Если можно сказать, что въ человѣчествѣ оказался грѣхъ чрезъ Адама, то дѣйствительно неизбѣжно было бы поставить вопросъ: какимъ же образомъ это произошло, какимъ образомъ человѣчество чрезъ Адама оказалось въ грѣхѣ? На этотъ вопросъ возможны только тѣ два отвѣта, которые были даны Августиномъ и

¹⁾ Op. imp. II, 59. 61.

Юліаномъ согласно съ принципіальными сторонами ихъ воззрѣній:

Съ точки зрѣнія Юліана передача зла отъ одного чело-вѣка другому мыслима только въ смыслѣ вліянія дурнаго примѣра: «зло не можетъ переходить иначе, какъ только чрезъ подражаніе»¹⁾; такую передачу грѣха Адамова людямъ онъ и защищалъ. При этомъ очень возможно, что онъ не посмѣлъ прямо оспаривать ученіе о вліяніи грѣха Адамова на чело-вѣчество также и потому, что не хотѣлъ защищать давно осужденное церковію пелагіанское положеніе: грѣхъ Адама повредилъ только самому Адаму, а не роду человѣческому.

Несостоятельность мысли, что грѣхъ Адамовъ повредилъ чело-вѣчеству, какъ примѣръ грѣха, настолько очевидна, что, безъ сомнѣнія, и самъ Юліанъ сознавалъ ее и лишь въ видахъ полемики видѣлъ себя вынужденнымъ защищать свою мысль. Августинъ справедливо указывалъ ему, что большинство грѣшниковъ въ чело-вѣчествѣ не слышали не только о грѣхѣ Адама, но и о самомъ существованіи Адама, а если и слышали, то во всякомъ случаѣ грѣшили безъ всякой мысли объ Адамѣ²⁾. Противъ этого Юліанъ былъ безсиленъ возражать.

Справедливость требуетъ сказать, что и Августиново объ-ясненіе передачи грѣха Адамова не болѣе состоятельно и вызываетъ еще болѣе непреодолимыхъ затрудненій. Августинъ защищаетъ мысль, что грѣхъ Адамовъ передается людямъ чрезъ рожденіе или по рожденію. Но развѣ грѣхъ субстан-ція или свойство субстанции чело-вѣческой природы, чтобы ему переходить вмѣстѣ съ природой, какъ справедливо возра-жаютъ Августину Пелагій и Целестій? И если грѣхъ можетъ наследственно передаваться, то почему этой привилегіей воспользовался только одинъ Адамовъ грѣхъ, спрашивалъ Юліанъ? Въ отвѣтъ на эти вопросы Августинъ говорилъ совершенно не относящееся къ дѣлу и доказалъ лишь есте-ственность передачи свойствъ природы, доказавъ, нужно ска-зать неопровержимо, безусловно побѣдоносно, что отъ раз-строенной, падшей природы Адама и чело-вѣчество должно было произойти падшее. Къ сожалѣнію, онъ на этомъ не остановился и сталъ учить о переходѣ вмѣстѣ съ разстрой-ствомъ природы и самаго грѣха Адамова, какъ причины

¹⁾ Op. imp. II, 55.

²⁾ Contra Julian VI, 76; cf. Op. imp. II, 176.

этого разстройства, причѣмъ неизбѣжно долженъ былъ впасть въ крайнія затрудненія, которыя дали сильное оружіе въ руки его противниковъ. Поводомъ къ возникновенію страннаго мнѣнія о передачѣ грѣха Адамова людямъ, послужило, по видимому, то обстоятельство, что Августинъ вслѣдствіе слабости своихъ познаній въ греческомъ языкѣ ¹⁾ слишкомъ поверхностно понялъ ученіе ап. Павла о грѣхѣ. Когда ап. Павелъ употребляетъ такія, напр., выраженія, какъ; грѣхъ ожилъ, грѣхъ вошелъ въ міръ, грѣхъ умеръ, грѣхъ оболестилъ меня, то ясно, что онъ употребляетъ слово грѣхъ, *ἀμαρτία*, для обозначенія живущаго въ человѣкѣ грѣховнаго начала, называемаго имъ иначе закономъ грѣха, закономъ въ членахъ, душевнымъ человѣкомъ, ветхимъ человѣкомъ, плотію и т. п. И потому, когда онъ говоритъ, что чрезъ Адама грѣхъ вошелъ въ міръ, т. е., въ человѣчество, то это значитъ, что чрезъ Адама появилось грѣховное начало, законъ грѣха въ человѣчествѣ, *ἀμαρτία*, что всѣ люди стали грѣшными (см. толков. Св. Іоан. Златоуста), Августинъ же переводитъ вездѣ *ἀμαρτία* словомъ *peccatum*, удерживая за *peccatum* его собственное значеніе, значеніе вины, преступленія, нарушенія воли Божіей, отождествляя *peccatum* съ греческимъ *παράβασις* *παράπτωμα* *παρακοή*.

Переходъ на всѣхъ людей того, что апостоль называетъ *ἀμαρτία* Адама, совершенно понятенъ и неизбѣженъ; переходъ же на всѣхъ людей того, что апостоль называетъ *παράβασις* Адама, не имѣетъ никакого смысла и апостоль нигдѣ не учитъ объ этомъ. Тотъ фактъ, что Августинъ всякій разъ, какъ начинаетъ доказывать передачу «грѣха», «*peccatum*», въ дѣйствительности доказываетъ лишь передачу порчи, *vitium*, на первый взглядъ вызываетъ сомнѣніе не училъ ли Августинъ именно о передачѣ *peccatum* въ смыслѣ *ἀμαρτία*, а не въ смыслѣ *παράβασις*; но это сомнѣніе Августинъ безусловно устраняетъ, настойчиво проводя во всѣхъ своихъ полемическихъ противупелагианскихъ сочиненіяхъ ту мысль, что *vitium* или *vitiositas naturae*, т. е., то, что у апостола именуется *ἀμαρτία*, не есть *peccatum originale*, первородный грѣхъ, а есть лишь слѣдствіе послѣдняго: отъ Адама переходитъ на людей *vitium naturae*, но переходитъ и *peccatum primum*, первый грѣхъ, какъ причина этого поврежденія. Въ крещеніи

¹⁾ Въ чемъ и самъ признавался. *Confes.* I, 3. 14; VII, 18.

peccatum Adama или peccatum originale, первородный грѣхъ, прощается человѣку, въ то время какъ vitiositas остается.

Станнымъ представляется на первый взглядъ, почему Юліанъ, въ общемъ болѣе сильный въ своихъ познаніяхъ въ греческомъ языкѣ, не обратилъ вниманія на такую важную ошибку Августина, какъ смѣшеніе понятій ἀμαρτία и παρά-ζασις, грѣхъ и преступленіе. Но дѣло въ томъ, что и переходъ на всѣхъ людей ἀμαρτία или закона грѣховнаго, разстройства природы, не могъ быть допущенъ имъ, а напротивъ, прямо отвергался центральнымъ пунктомъ его доктрины. Сознавали ли оба полемиста, съ какими явными натяжками они объясняли слова апостола, или нѣтъ, дѣло ихъ совѣсти.

Предложивъ читателю внимательно вникать въ его слова, Юліанъ находитъ далѣе, что въ словахъ апостола не содержится мысли о переходѣ грѣха отъ одного человѣка на всѣхъ людей. Апостоль сказалъ только, что грѣхъ вошелъ въ міръ, но о переходѣ грѣха на всѣхъ ничего не говоритъ, а говоритъ только о переходѣ на всѣхъ смерти. Если бы въ словахъ «черезъ одного человѣка грѣхъ вошелъ въ міръ и черезъ грѣхъ смерть» уже заключалась мысль о переходѣ на всѣхъ людей грѣха и смерти, т. е., если бы эти слова значили, что на всѣхъ людей перешли, или во всѣхъ вошли черезъ Адама грѣхъ и смерть, то совершенно излишни были бы дальнѣйшія слова: *и такимъ образомъ смерть перешла на всѣхъ людей*. Это раздѣленіе грѣха и смерти показываетъ, что грѣхъ и смерть появились въ мірѣ черезъ одного человѣка, но на всѣхъ людей перешла только смерть, а не грѣхъ, смерть перешла, какъ наказаніе за преступленіе, «поражая не сѣмена тѣлъ, но пороки нравовъ». Первый человѣкъ оказался виновнымъ и подвергся осужденію на вѣчную смерть. Эта смерть поражаетъ всякаго преступника во всѣ времена, но только преступника, а святыхъ и невинныхъ не касается. Преступленіе Адама не сдѣлалось прирожденнымъ, но стало образцомъ грѣха, и потому не тяготѣетъ на рождающихся, но осуждаетъ подражающихъ. А смерть карательная пребываетъ постольку, поскольку всѣ согрѣшили, но свободною волею: «словомъ «всѣ» въ Писаніи обычно обозначается множество, а не универсальность ¹⁾).

¹⁾ Вотъ прямой поводъ для Августина сказать, что Юліанъ не правильно понялъ его ученіе, приписывая ему именно переходъ преступленія Адамова на всѣхъ людей. Но этого Августина не дѣлаетъ какъ здѣсь, такъ и во всей своей полемикѣ, откуда уже само собою совер-

Повидимому, отвѣчаетъ Августинъ, не совѣсьмъ ясно, что именно перешло на всѣхъ, грѣхъ ли или смерть или то и другое. Но если бы не перешелъ грѣхъ, не рождался бы всякій человѣкъ съ закономъ грѣха въ членахъ своихъ¹⁾; а если бы не перешла смерть, не умирали бы всѣ люди; смерть — наказаніе за вину; если переходить наказаніе, то переходить и вина, т. е. грѣхъ. Какъ ни уклоняйся, не можешь извратить основаній православной вѣры. И самъ ты противорѣчишь себѣ: теперь говоришь, что грѣхъ не перешелъ, а перешла только смерть, раньше же говорилъ, что грѣхъ перешелъ только не передачей при рожденіи, а какъ примѣръ. Итакъ, со смертію переходить грѣхъ. Чтобы не признать, что при самомъ рожденіи (originaliter) переходить грѣхъ, ты не признаешь, что при рожденіи переходить смерть. Но что смерть тѣлесная переходить на всѣхъ людей, будучи наказаніемъ за грѣхъ, это столь ясно, что и самъ ересіархъ Пелагій на Палестинскомъ соборѣ не посмѣлъ отрицать этого. На всѣхъ людей перешла и тѣлесная смерть и смерть вторая, духовная по которой духъ будетъ мучиться вмѣстѣ съ тѣломъ по винѣ рода человѣческаго. Не позволяетъ царствовать этой второй смерти только благодать Искупителя, разрушившаго державу смерти. Напрасно пытаешься извратить слова правыя и затемнить ясныя. Въ комъ всѣ умираютъ, въ томъ всѣ и согрѣшили; это — Адамъ, въ которомъ дѣти если не умираютъ, и со Христомъ не оживутъ: *какъ въ Адамъ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ*¹⁾. Апостоль говоритъ; *и такимъ образомъ смерть перешла на всѣхъ людей*, т. е., какимъ вошла: съ грѣхомъ или чрезъ грѣхъ вошла, съ грѣхомъ или чрезъ грѣхъ и переходить (Op. imp. II, 195).

Августинъ, такимъ образомъ, не устранилъ возраженія Юліанова, зачѣмъ апостоль особливо говорить о переходѣ на всѣхъ смерти, если этотъ переходъ уже выраженъ въ словахъ о входеніи въ міръ, т. е., въ человѣчество, грѣха и смерти. Юліанъ очевидно уклоняется отъ вселенскаго церковнаго уче-

---

шенно ясно, что Юліанъ правильно понималъ его ученіе о переходѣ на всѣхъ грѣха Адамова. Впрочемъ, это ясно и изъ ученія самого Августина.

¹⁾ Такимъ образомъ законъ грѣха, lex peccati, т. е., именно то, что у ап. именуется *ἀρτία*, по Августину, переходитъ вмѣстѣ съ передачей самаго преступленія Адамова, какъ слѣдствіе его.

²⁾ 1 Кор. XV, 22; Op. imp. II, 62—68.

нія о происхожденіи тѣлесной смерти чрезъ грѣхъ Адама. Августинъ побѣдоносно защищаетъ это ученіе и показываетъ, что въ словахъ апостола о переходѣ смерти на всѣхъ людей оно ясно выражено. Но въ этой защитѣ онъ обнаруживаетъ свое безсиліе защитить свое понятіе о первородномъ грѣхѣ. Онъ неопровержимо показалъ, что переходъ на всѣхъ людей смерти былъ бы необъяснимъ, если бы не переходила и самая причина смерти. Но въ чемъ эта причина? Въ грѣхѣ ли Адама, или въ томъ *lex peccati*, наслѣдственный переходъ котораго неоспоримъ? Грѣхъ Адама есть историческое начало того тлѣнія духовнаго (*φθορά*), которое естественнымъ и неизбѣжнымъ своимъ слѣдствіемъ имѣло и тлѣніе тѣлесное или смерть.

Такимъ образомъ переходъ на всѣхъ людей смерти свидѣлствуетъ о переходѣ на всѣхъ людей *ἀμαρτία*, а не *παράβασις* Адама. Что переходить *ἀμαρτία* или *lex peccati* — это понятно, но что этотъ переходъ свидѣлствуетъ и о переходѣ самаго преступленія Адама, вины перваго человѣка, это совершенно непонятно и непослѣдовательно. По этой логикѣ, дѣти алкоголика оказываются виновными въ грѣхѣ родителя, почему и получаютъ наслѣдственный алкоголизмъ; такъ дѣйствительно Августинъ и утверждалъ ¹⁾. Весьма важное значеніе въ толкованіи данныхъ словъ апостола, имѣетъ вопросъ, въ какомъ смыслѣ апостоль говоритъ о переходѣ смерти на всѣхъ и о томъ, что всѣ согрѣшили, въ собственномъ ли, универсальномъ смыслѣ, или въ ограниченномъ, въ смыслѣ *многіе*.

Юліанъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы защитить послѣднее пониманіе; онъ приводитъ различныя изреченія изъ Св. Писанія, въ коихъ слово *всѣ* употреблено вмѣсто *многіе*. Такъ, пишетъ онъ, въ псалмѣ читаемъ: *всѣ уклонились, сдѣлались равно непотребными* и немного далѣе: *сздающіе народъ мой какъ поднятъ хлѣбъ* (Пс. XIII, 3, 4), показывая, что народъ его отличенъ отъ всѣхъ тѣхъ, кои дѣлаютъ беззаконіе. Въ евангеліи читаемъ: *говорятъ ему (Пилату) всѣ: да будетъ распятъ* (Мѡ. XXVII, 22; Лук. XXIII, 21). Однако къ этимъ всѣмъ не принадлежали апостолы, Никодимъ, святыя жены. И самъ апостоль тѣхъ самыхъ, коихъ назвалъ здѣсь всѣми, немного далѣе называетъ многими. — И такъ, всѣми апостоль называетъ весьма многихъ, кои потому, говорить, повинны

¹⁾ Ор. imp. II, 177.

грѣху, что согрѣшили собственною волею; обвиняетъ не природное, но добровольное преступленіе (*non originale, sed voluntarium crimen*).

Всѣмъ, отвѣчаетъ Августинъ, не противоположны многіе, потому что всѣ могутъ быть и многими и немногими; поэтому, когда называетъ апостоль всѣхъ многими, то означаетъ только то, что эти всѣ очень многочисленны. Справедливо сказано въ псалмѣ: «всѣ уклонились, сдѣлались равно непотребными», но псалмопѣвецъ отличаетъ сыновъ человеческихъ, кои уклонились всѣ, отъ сыновъ Божіихъ, коихъ не пожрали уклонившіеся. Ибо сказано, что Богъ воззрѣлъ на сыновъ человеческихъ и эти всѣ уклонились. Изъ этихъ всѣхъ уклонившихся состоялъ и весь тотъ народъ, который кричалъ: *растни, растни!* Къ этому народу никоимъ образомъ не принадлежатъ тѣ, кои увѣровали во Христа. *Одинъ за всѣхъ умеръ*; если посмѣешь сказать, что не всѣ мертвы, то апостоль немедленно зажметъ тебѣ ротъ, говоря: *если одинъ умеръ за всѣхъ, то всѣ умерли* (2 Кор. V, 14—15). На всѣхъ этихъ съ грѣхомъ перешла смерть чрезъ того, въ комъ всѣ умираютъ; здѣсь и дѣти, потому что и за нихъ Христосъ умеръ, Который потому за всѣхъ умеръ, что всѣ мертвы. Открой глаза: въ Адамѣ всѣ умираютъ. Если дѣти въ немъ не умираютъ, то и во Христѣ не оживутъ. Зачѣмъ съ преступнымъ притворствомъ прибѣгаете къ крещенію оживителя и спасителя съ тѣми, кои, какъ живые и здоровые, не нуждаются въ исцѣленіи и оживленіи ¹⁾?

Августинъ справедливо указываетъ, что всѣхъ можно называть и многими и что такимъ образомъ нѣтъ никакой необходимости понимать слово «всѣ» въ ограниченномъ смыслѣ. Правильность его подтверждается всѣмъ дальнѣйшимъ содержаніемъ V главы, при объясненіи котораго Августинъ неоднократно возвращается къ вопросу о пониманіи выраженій «всѣ» и «многіе».

Въ немъ же вси согрѣшиха, in quo omnes peccaverunt. Августинъ находилъ, что въ этихъ словахъ мысль апостола выражена *circum specte, proprie, sine ambiguitate*, ясно, буквально, безъ всякой неопредѣленности. Если, разсуждаетъ онъ, ты будешь относить *in quo* къ грѣху, который вошелъ въ міръ чрезъ одного человѣка, т. е. будешь понимать это

¹⁾ II, 175—176.

выраженіе въ смыслѣ: въ каковомъ грѣхѣ всѣ согрѣшили, то ясно, что иное дѣло—собственные грѣхи каждаго, въ коихъ виновны только тѣ, коимъ эти грѣхи принадлежать, и иное дѣло тотъ одинъ грѣхъ, въ которомъ всѣ согрѣшили, когда всѣ были тотъ одинъ человѣкъ (quando omnes unus ille fuerunt). Если же относить in quo не къ грѣху, а къ тому первому человѣку, въ которомъ одномъ согрѣшили всѣ люди, то и это объясненіе совершенно удобопонятно (quid etiam ista est manifestatio manifestius? De res. mer. I, 11). Можно наконецъ относить in quo къ смерти, и не нужно смущаться что апостоль не сказалъ—in qua (morte), потому что слово смерть по гречески мужескаго рода, ὁ θάνατος. Итакъ, пусть выбираютъ, что угодно: или всѣ согрѣшили въ одномъ человѣкѣ, потому что когда согрѣшилъ этотъ человѣкъ, въ немъ были всѣ; или всѣ согрѣшили въ томъ грѣхѣ, потому что общимъ достояніемъ всѣхъ стало то, что имѣли получить всѣ рождающіеся; или же всѣ согрѣшили въ той смерти, но какъ это понять, не совсѣмъ ясно вижу. Ибо въ грѣхѣ умираютъ всѣ, но не всѣ грѣшатъ въ смерти: смерть слѣдуетъ за предшествовавшимъ грѣхомъ, а не грѣхъ за предшествующею смертію. *Жало смерти грѣхъ* (1 Кор. XV, 56), т. е. жало, отъ укола котораго происходитъ смерть, а не жало, которымъ укалываетъ смерть, подобно тому, какъ выпитый ядъ называется бокаломъ смерти, потому что отъ этого бокала произошла смерть, а не потому, что бокалъ созданъ смертію или данъ смертію.

Но выраженіе in quo нельзя относить къ грѣху, потому что въ греческомъ текстѣ грѣхъ обозначенъ словомъ женскаго рода, ἡ ἀμαρτία; поэтому остается принять, что всѣ согрѣшили въ томъ первомъ человѣкѣ, потому что всѣ были въ немъ, когда онъ согрѣшилъ, откуда и получается грѣхъ при рожденіи, прощаемый только при возрожденіи (nascendo trahitur quod nisi renascendo non solvitur). Такъ понималъ слова апостола: in quo omnes peccaverunt и св. Иларій, который пишетъ: «in quo, т. е. въ Адамѣ, всѣ согрѣшили», и потомъ прибавляетъ: «ясно, что въ Адамѣ всѣ согрѣшили, какъ бы въ массѣ (quasi in massa). Ибо самъ поврежденъ грѣхомъ и всѣ, коихъ родилъ, рождены подъ грѣхомъ»¹⁾.

Юліанъ высказалъ двоякое пониманіе приведенныхъ словъ

¹⁾ Contra duas epist. pelag. IV, 7. Что касается толкованія, принимаемаго св. Иларію, то оно содержится въ комментаріяхъ, приписан-

апостола. Въ первомъ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ первой книги Августина *De nuptiis* онъ утверждаетъ, что *in quo* сказано въ смыслѣ *propter quod*, по причинѣ чего; подобно тому какъ въ псалмѣ написано: *in quo corrigit junior viam suam* (Пс. СХVІІІ, 9). Т. е. всѣ люди согрѣшили въ слѣдствіе того, что Адамъ согрѣшилъ, такъ какъ всѣ въ совершеніи грѣховъ подражаютъ Адаму. Слабость этого толкованія Августина легко показалъ. Кто, пишетъ онъ, настолько безуменъ, чтобы утверждать, что этотъ человѣкъ совершилъ убійство по той причинѣ, что Адамъ въ раю взялъ пищу отъ запрещеннаго дерева, тогда какъ этотъ въ разбоѣ убилъ человѣка безъ всякой мысли объ Адамѣ, но чтобы овладѣть золотомъ убитаго? Такъ и всѣ прочіе собственные грѣхи совершаются по своимъ причинамъ, при чемъ человѣкъ не думаетъ о грѣхѣ перваго человѣка и не беретъ его въ примѣръ. Нельзя сказать, что и Каинъ согрѣшилъ по той причинѣ, что согрѣшилъ Адамъ, ибо извѣстно, по какой причинѣ онъ убилъ брата. Напрасно ссылается и на слова псалма: *in quo corrigit dѣйствительно равносильно выраженію propter quid corrigit*, такъ какъ далѣе слѣдуетъ: *in custodiendo verba tua*, въ храненіи словъ твоихъ. Юноша исправляетъ свой путь по причинѣ того, что понимаетъ слова Божіи такъ, какъ они должны быть понимаемы; понимая, хранить, а храня, праведно живетъ. Такимъ образомъ у него причина исправленія пути та, что онъ хранитъ слова Божіи ¹⁾).

Юліанъ видимо и самъ сознавалъ слабость своего толкованія и потому въ своемъ сочиненіи противъ 2-й книги Августина «*de nuptiis*» высказалъ иное объясненіе, именно, что *in quo* равносильно *quia*, потому что, т. е., смерть перешла на всѣхъ людей, потому что всѣ согрѣшили. Это толкованіе согласно съ Пелагіевымъ, его Юліанъ и старался держаться, при чемъ подъ всѣми разумѣлъ всѣхъ согрѣшившихъ, исключая отсюда младенцевъ и праведниковъ.

Мысль Августина, что въ Адамѣ согрѣшили всѣ люди, Юліанъ находилъ бессмысленною и противорѣчающею самымъ словамъ апостола. Еслибы, разсуждаетъ онъ, апостоль призывалъ, что грѣхъ переходитъ на всѣхъ чрезъ рожденіе, т. е.,

вавшихся нѣкогда Амвросію, но принадлежавшихъ, какъ полагаютъ діакоу Иларію, еретикъ Люциферіанину, родомъ сардійцу. Vide s. Augustini opera omnia. Editio Benedict. Parisiis. 1888. T. X. p. 1. p. 897.

¹⁾ Contra Julianum. VI, 75—76.

переданъ отъ Адама на тѣхъ, кои не существовали при совершеніи его, то апостоль несправедливо сказалъ бы, что всѣ согрѣшили, ибо нельзя въ собственномъ смыслѣ сказать, что всѣ совершили то, что совершилъ одинъ и направилъ на другихъ. Надо принять одно изъ двухъ: или грѣхъ перешелъ на потомковъ Адама и сами они не согрѣшили, или же сами согрѣшили и тогда грѣхъ перешелъ на нихъ не иначе какъ чрезъ подражаніе. Достойна осмѣянія твоя мысль, что грѣхъ перешелъ тогда, когда, по твоему выраженію, «всѣ люди были тотъ одинъ человѣкъ». Здѣсь выразилось давно осужденное нечестіе Тертуліана и Манихеевъ, по которому ты признаешь такую же передачу душъ, какъ и тѣлъ. Ты стараешься отклонить отъ себя обвиненіе въ традиціонизмъ¹⁾, но тщетно, потому что какъ же иначе мыслишь о происхожденіи душъ, если утѣраешь, что всѣ люди были тотъ одинъ человѣкъ, Адамъ? Да и не одинъ Адамъ былъ при совершеніи грѣха, а двое, онъ и жена его, два человѣка, отъ субстанціи коихъ, а не отъ вины размножился родъ человѣческой согласно божественному, установленію. Авелю нисколько не повредилъ грѣхъ родителей, святость его засвидѣтельствована Писаніемъ; напротивъ, Каинъ, происходя отъ той же природы, но движимый иною волею терзается ужасомъ. Такимъ образомъ, православная мысль апостола выражена словами, коими показывается предшествующій примѣръ и послѣдующее усердіе подражающаго. Если бы апостоль хотѣлъ сказать, что рожденіе осквернено грѣхомъ и виновно, онъ не сказалъ бы, что грѣхъ вошелъ чрезъ одного человѣка, а сказалъ бы — чрезъ двоихъ, и не сказалъ бы: *постольку перешла смерть, постольку всѣ согрѣшили*, но сказалъ бы: *постольку, постольку всѣ произошли отъ дьявольскаго удовольствія и плоти перваго человѣка и первой женщины*. Если бы апостоль сказалъ это, то онъ не вашъ догматъ утвердилъ бы, а разрушилъ бы все свое ученіе.

Я могъ бы, отвѣчаетъ Августинъ, спросить тебя: какимъ образомъ послѣдовали примѣру Адама потомки его, кои не были тамъ и не видѣли самаго грѣха или даже не слышали о немъ или не вѣрили, что онъ былъ? Но скажу не это, а приведу слова св. Амвросія: «былъ Адамъ и въ немъ были всѣ мы, погибъ Адамъ и въ немъ погибли всѣ, посему въ

¹⁾ Contra duas epist. pelag. III; 26.

немъ всѣ умирають». ¹⁾ Если кто неумѣренностію причиняетъ себѣ подягу и передалъ ее сыновьямъ, что случается часто, то ужели несправедливо сказать, что этотъ порокъ перешелъ на нихъ отъ родителя? Они сами совершили его въ родителя, поелику были въ немъ; когда онъ совершалъ, и такимъ образомъ они и онъ были одно и, совершили грѣхъ по actione hominum, sed ratione jam seminum. Апостолъ знаетъ, что всякій разъ какъ оказывается какая-нибудь болѣзнь въ тѣлѣ, она произошла отъ того древняго и великаго грѣха прародителя, коимъ повреждена вся человѣческая природа. Посему и говорить: *чрезъ одного человека грѣхъ вошелъ въ міръ и чрезъ грѣхъ смерть, и такимъ образомъ смерть вошла во всѣхъ людей, въ немъ же вси согрѣшили*. Онъ имѣлъ въ виду восхвалить благодать Христову, составляя образъ отъ противнаго и противопоставляя начальника возрожденія начальнику рожденія. Ты думаешь, что нельзя назвать человѣкомъ одно тѣло человѣка, но самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ при Понтіѣ Пилатѣ распятъ и погребенъ, какъ исповѣдуетъ вся церковь, и однако погребено было одно тѣло Христово. По твоей логикѣ и о первомъ человѣкѣ Писанію не слѣдовало говорить: *и создалъ Богъ человека персть отъ земли* (Быт. II, 7), такъ какъ изъ земли взято одно тѣло человѣка. Обвиняйте и самого Бога въ заблужденіи, который, угрожая человѣку смертію, сказалъ: *земля ты и въ землю пойдешь* (Быт. III, 19), тогда какъ по твоему мнѣнію слѣдовало сказать: тѣло твое земля и въ землю пойдетъ. Бывшіе прежде насъ учителя согласно съ Писаніемъ сказали: «былъ Адамъ и въ немъ были всѣ мы»; поэтому и я сказалъ: «всѣ были одинъ тотъ», такъ какъ и тѣ два, мужчина и женщина, уже не были два, но одна плоть. Всѣ, рожденные отъ Адама, были — онъ одинъ или по тѣлу только или и по душѣ, чего я, признаюсь, не знаю и не стыжусь своего незнанія. Итакъ, отъ того одного, отъ котораго всѣ происходятъ, всѣ получаютъ первородный грѣхъ при рожденіи. А Ева зачала и родила послѣ, хотя согрѣшила прежде; посему и Св. Писаніе говоритъ, что въ чреслахъ отца Авраама были сыны Левія и въ немъ получили десятину отъ первосвященника Мелхиседека.

Ты называешь Авеля праведнымъ; почему же апостолъ не поставилъ его въ примѣръ для подражанія, но когда го-

¹⁾ Lib. XII in Luc. XV, 24.

ворить о двухъ человѣкахъ, изъ которыхъ одинъ вводитъ въ осужденіе, а другой въ оправданіе, назвалъ Адама и Христа? Если Авель не имѣлъ въ членахъ своихъ закона, противящагося закону ума, и если плоть его не похотствовала противъ духа, то ему дѣйствительно не повредилъ грѣхъ родителей. Но кто говоритъ, что Авель былъ таковъ именно, тотъ пусть скажетъ, что онъ не имѣлъ и плоти грѣха; но Христосъ Господь не имѣлъ бы подобія плоти грѣха, еслибы плоть всѣхъ прочихъ людей не была плотію грѣха ¹⁾).

Здѣсь толкованіе Августина получаетъ безспорное преимущество предъ Юліановымъ, такъ какъ оно опирается на авторитетъ вселенской церкви и находитъ себѣ подтвержденіе въ дальнѣйшемъ ходѣ мыслей апостола. Если доселѣ не было необходимости относить рѣчь апостола ко всему человѣчеству, то здѣсь безспорно сдѣланъ этотъ переходъ, такъ какъ это было необходимо для раскрытія излагаемыхъ истинъ. Августинъ безспорно правъ, усматривая въ 12 стихѣ и защищая мысль о растройствахъ человѣческой природы въ Адамѣ, мысль общепризнанную церковнымъ вселенскимъ авторитетомъ. Мысль эта, будемъ ли понимать *ἐφ' ᾧ* въ Августиновомъ или Юліановомъ смыслѣ, выражена здѣсь дѣйствительно *evidenter*, очевидно, если только не будемъ совершенно произвольно измѣнять смыслъ словъ «всѣ» и «смерть»; если всѣ согрѣшили, то согрѣшили не иначе, какъ въ Адамѣ. Но это самое *ἦμαρτον*, согрѣшили, Августинъ дѣйствительно понималъ слишкомъ односторонне и грубо, и это было роковой ошибкой его. Если бы онъ понялъ, что нѣтъ никакой необходимости понимать это «согрѣшили» въ дѣйствительномъ залогѣ, въ смыслѣ: совершили грѣхъ, то онъ не былъ бы поставленъ въ необходимость создавать и защищать ни съ чѣмъ несообразное ученіе о передачѣ именно перваго грѣха Адамова всѣмъ людямъ, какъ грѣха первороднаго. А необходимости понимать такъ *ἦμαρτον* не было никакой, потому что ясно, что оно совершенно равнозначуще съ выраженіемъ 19 стиха: *ἀμαρτωλὰ κατεστάθησαν*, стали грѣшниками или оказались грѣшниками, такъ какъ въ Адамѣ пала человѣческая природа. Поэтому св. Іоаннъ Златоустъ, лучший знатокъ подлиннаго апостольскаго текста, находилъ въ 12 стихѣ только ту мысль, что «какъ скоро палъ одинъ, чрезъ него стали смертными всѣ, даже и не ѣвшіе

¹⁾ Ср. *imp.* II; 174—184.

запрещеннаго плода». А по словамъ св. Ефрема Сириня, «какъ Адамъ посѣялъ грѣховную нечистоту въ чистыя тѣла и вложена была закваска зла во всю нашу массу (естество), такъ Господь нашъ посѣялъ праведность въ тѣло грѣха и закваска его всю нашу массу (естество) смѣшала». Также и блаж. Θεодоритъ: «находясь подъ смертнымъ приговоромъ Адамъ въ такомъ состояніи родилъ Каина, Сива и другихъ. И потому всѣ, какъ происшедшіе отъ осужденнаго на смерть, имѣли оестество смертное». При этомъ въ выраженіи ἐφ' ᾧ πάντες ἤμαρτον блаж. Θεодоритъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ Θεодора Мопсуестійскаго, находилъ указаніе на то, что «не за прародительскій, а за свой собственный грѣхъ приесть на себя каждый осужденіе смерти» (см. Толков. бл. Θεодорита на Римл. V, 12).

Въ современной экзегетической литературѣ принято понимать выраженіе ἐφ' ᾧ въ смыслѣ «потому что», какъ понималъ Юліанъ, но съ удержаніемъ мысли Августина, что всѣ люди могли согрѣшить не иначе, какъ въ Адамѣ; отсюда въ русскомъ переводѣ читаемъ: *потому что въ немъ всѣ согрѣшили*, хотя подлинный текстъ даетъ основаніе принимать которое-нибудь изъ двухъ, или «потому что» или «въ немъ». Толковники указываютъ, что грамматически невозможно выраженіе ἐφ' ᾧ переводить — «въ немъ» и что апостоль не употребляетъ этого выраженія въ такомъ смыслѣ, тогда какъ въ смыслѣ «потому что» употребляетъ неоднократно (2 Кор. V, 4; Филип. III, 12, см. Grammatik des Neutestam. Griechisch. Friedrich Blass. Göttingen. 1896. s. 134; ср. Comment. Meyer, Philippi, Bengel, Weiss, Olshausen, Godet, изъ русскихъ особенно еп. Θεοφάνη, арх. Филаретъ въ Догм. Бог. т I стр. 356 — 359, В. Мышцынъ въ соч. — Ученіе ап. Павла о законѣ вѣры и законѣ дѣлъ. Москва. 1894. стр. 138 и дал.). Лишь немногіе высказываются безусловно въ смыслѣ отнесенія ἐφ' ᾧ къ Адаму (напр. J. Baurz. Grundzüge der katdisch. Dogmatik. Mainz. 1889. II. s. 85—86). Нѣкоторые дѣликомъ принимаютъ толкованіе Юліана, напр., W. Schmidt (въ своей Christliche Dogmatik. Bonn. 1898. s. 291—295). Свое толкованіе Schmidt обосновываетъ на пониманіи ἤμαρτον въ буквальномъ, дѣйствительномъ значеніи. Еслибы была необходимость такъ понимать ἤμαρτον, то дѣйствительно не оставалось бы ничего средняго между толкованіемъ Августина и толкованіемъ Юліана, но такой необходимости, какъ мы видѣли, нѣтъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки